

I

САДЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ЗАПАДНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

аспространено представление, что в Древней Руси существовали только хозяйственные, утилитарные сады.¹ Такое представление укреплялось мнением, вернее предрассудком, что плодовые деревья и кусты не могли служить украшением и наличие их в старых садах представлялось указанием на то, что эти сады были преимущественно хозяйственными.

Между тем еще в начале XIX в. память о великолепных московских садах сохранялась в полной мере. Переводя поэму Делиля «Сады», А. Войков

¹ Мнение это закреплено благодаря наиболее авторитетному исследованию регулярных садов Т. Б. Дубяго «Русские регулярные сады и парки» (Л., 1963). Т. Б. Дубяго считает, что плодово-ягодные насаждения в садах XVIII в. — это дань национально-русской традиции предшествующего периода. Она пишет: «Принцип утилитарного использования насаждений садов и парков, столь характерный для предшествующего периода (русского XVII в., — Д. Л.), сохранился и в XVIII в.» (с. 29). Однако не только термин «утилитарное использование» неверен, так как плоды и ягоды выращивались в дворцовых садах не на продажу, а в основном из эстетических соображений. Самый принцип насаждения плодов и ягод в парадных садах был в той же мере характерен для России, как и для Западной Европы. В качестве примера таких традиционных представлений приведу цитату из недавно вышедшей книги А. Н. Петрова «Город Пушкин. Дворцы и парки» (Л., 1977). Здесь на с. 88, открывающей раздел «Ассамбль Екатерининского парка», читаем: «Строительство парков было новшеством для России рубежа XVII и XVIII столетий. ... Русские сады XVII в. и европейские сады имели утилитарный характер. В них выращивались плодовые деревья, ягодные кусты, цветы и травы. И на Сарской мызе, в первые годы после ее перехода в собственность Екатерины I, выращиванию фруктов, ягод, овощей (!) уделялось наибольшее внимание. Лишь после перепланировки в 1720-х гг. сад получил новое оформление — в нем появились крытые аллеи, трельяжные беседки, декоративные водоемы».

поместил от себя в описание лучших садов мира специальный раздел о садах Москвы:²

Старинные сады, монархов славных их
Останки славные, почтены ввек для них.
Вельмож, царей, цариц святыся именами,
И вкуса древнего им служат образцами.
Увеселительный Коломенский дворец,
Где обитал Петра Великого отец
И где Великий сей младенец в свет родился,
И в Вифлеем чертог царя преобразился;
На берегу Москвы обширный сад, густой,
Лип, вишнен, яблонь лес, где часто в летний зной,
Любя прохладу вод и тени древ густых,
Честолюбивая поконлась София.³

Впрочем, уже во второй половине XIX в. существовало представление, что в Древней Руси сады имели только утилитарное назначение и садового искусства как такового не было. Это представление не могли рассеять даже обстоятельные работы И. Забелина о русских садах XVII в., поскольку И. Забелин только публиковал некоторые материалы без попыток обобщить их искусствоведчески.

Прежде всего следует обратить внимание на существовавшее градостроительное законодательство в Древней Руси, воспринятое от Византии. В этом отношении очень важный материал опубликован Г. В. Алферовой в исследовании «Кормчая книга как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства. Ее влияние на художественный облик и планировку русских городов».⁴

Я не буду вдаваться сейчас во все детали этого интереснейшего законодательства. Важно отметить только, что древнерусским строительным законодательством предусматривались вслед византийскому разрывы между зданиями, достаточные для устройства садов, и, самое главное, запрещалось кому бы то ни было загораживать вид на окружающую природу: В древнерусских иконах XV—XVII вв. изображения зданий

² А. Воейков в примечаниях к своему переводу пишет: «Я предлагаю здесь отрывок о лучших русских садах, написанный мною, как легко усмотреть могут читатели, для соблюдения общего тона от лица французского поэта» (Сады, или Искусство украшать сельские виды. Сочинение Делиля, перевел Александр Воейков. СПб., 1816, с. 163). Выражая далее сожаление, что не может сказать о многих других садах, кроме им описанных, А. Воейков добавляет: «...которые природою и искусственными украшениями не уступают ни английским, ни французским, ни итальянским» (там же).

³ Здесь А. Воейков имеет в виду сад XVII в. «в селе Софьине, в 40 верстах от Москвы по Коломенской дороге» (там же).

⁴ Византийский временник, т. 35, 1973, с. 195—225. Укажу дополнительно к материалам Г. В. Алферовой на существование, в Древней Руси практики озеленения улиц. См., например, следующее известие новгородских летописей под 1465 г.: «Начаша тополи садити на Славкове улицы» (Полное собрание русских летописей, т. IV, ч. 1. Новгородская четвертая летопись, вып. 2. Л., 1925, с. 446).

очень часто даются в обрамлении деревьев, деревья выступают из-за кровель строения или находятся рядом с ним. Этим одним уже подчеркивается связь архитектуры и садов. Нужно поэтому думать, что сады в древнерусских городах имели не только утилитарную, но и эстетическую функцию. Что касается до вида на окружающую город природу, который не следовало по закону загораживать, то это правило, конечно, имело главным образом эстетическую функцию и было в Древней Руси очень важным.

* * *

Обычно природа в Средневековье — и в Древней Руси и на Западе выступает как фон для сцен из человеческой жизни, портретов, изображений. Это же характерно и для эпохи Возрождения. В этом, очевидно, сказывалось представление о природе как о служанке человека, ее полезности для человека и о символическом значении отдельных явлений природы. Вместе с тем в Средние века природа выступает в литературе и фольклоре и как действующее начало: сочувствующее человеку или нечто символизирующее в его жизни и в отношении к нему Бога.

Отсутствие статических описаний природы или описание только «полезной» для человека стороны природы в хождениях в Палестину (например, в «Хождении игумена Даниила») не служит еще основанием предполагать, что в Древней Руси не было эстетического отношения к природе и не было потребности в садах. Статических описаний природы не было, как не было вообще статических описаний одежды, быта, социального устройства и т. д. Внимание писателя было обращено исключительно на изменения, на события. Замечалась динамика, а не статика. В литературе преобладал рассказ над описанием. Характерно в этом отношении «Слово о полку Игореве», где о природе говорится только в случае ее участия в судьбе русских людей, где нет никаких описаний — даже битвы Игорева войска с половцами, а есть только взволнованное повествование о событиях и лирические отклики на эти события с минимумом описательности. Что же касается до того, что в хождениях описываются по преимуществу «полезные» стороны природы (плодородие земли, приносимые ею плоды), то в этом именно выражалась одна из важнейших сторон средневековой эстетики: эстетическое не было отвлечено просто «красивым», — красивым признавалось не только то, что было красивым зрительно, но что могло услаждать также слух (пение птиц, игра на различных инструментах и пр.), вкус (редкие плоды), обоняние (отсюда обычное требование к цветам и садам в целом — благоухание).

Аналогичное явление мы можем наблюдать и в средневековой литературе Запада. Вильгельм Турский в своей истории крестовых походов так же, как и игумен Даниил, обращает внимание на плодородие почвы, на изобилие плодов, даже на вкус воды, удобство расположения мест-

ности. Такими замечаниями сопровождает он рассказ о Босфоре, Дураццо, Тире, Антиохии и пр. Аналогичные впечатления отличают и другие западные описания стран Ближнего Востока Буркада Монте-Сиона, Епифания, Ульриха Лемана и мн. др.

О внимании к природе, к ландшафту мы можем судить не столько по литературе, сколько по тому, как строились города, как выбиралось для них место, в каких местах ставились церкви и основывались монастыри.

В Древней Руси ценили пейзаж и подчиняли его собору, монастырю, городу. Блестящим образцом организации огромного пространства служил Новгород. От центра Новгорода, от храма Софии расходились административные «концы» Новгорода с радиальными улицами. Этим «концам» были подчинены все владения Новгорода — одного из самых больших государств Европы. Улицы, расходившиеся от центрального храма в разные стороны, обычно заканчивались воротами, за пределами которых они продолжались дорогами. Новгород был окружен Красным полем, застроить которое решились только в самое последнее время не слишком озабоченные изучением и сохранением старой планировки современные нам архитекторы. А Красное поле по горизонту было окружено великолепным хороводом или ожерельем (и тот, и другой образ одинаково удачен) церквей и монастырей. Строения «бежали» по горизонту, кружились вокруг города. Это было действительно драгоценное ожерелье — ожерелье, в которое вплетались такие жемчужины древнерусского искусства, как Нередица, Ковалево, Волотово, Михайло-Сковородский монастырь. Вся страна как бы входила в организованное Новгородом пространство.

Планировка древнего Новгорода предусматривала широкий вид на Ильмень-озеро. Напомню, что в былине о Садко, записанной в сборнике Кирши Данилова, Садко прямо из ворот города (Детинца) кланяется Ильменю-озеру и передает ему поклон от Волги-реки.⁵

Строительство любого нового города, монастыря или церкви сопровождалось выездом на место князя или святого, и место выбиралось «красное», т. е. красивое. Об этом есть многочисленные свидетельства агиографической литературы и летописей. Ср., например, описание основания города Каменца в Ипатьевской летописи.⁶

Краткость описаний природы и сосредоточенность этих описаний только на изменениях в природе (на смене времени дня или времен

⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.—Л., 1958, с. 184.

⁶ Ипатьевская летопись (СПб., 1871) под 1276 г.: «И послал Володимир мужа хитра, именем Алексу, иже бывше при отце его многы города рубя, и послал и Володимир с тоземьци в челнох, возверх рекы Лосны, абы кде изнайти таково место город поставить: се же изнашед место таково, и приеха ко князю и нача поведати. Князь же сам еха, с бояры и слугами, и улюби место то над берегом рекы Лысны, и отереби е: и постом сруби на немъ город и нарече имя ему Каменецъ зане бысть земля камена».

года) характерна и для Западной Европы. В частности для Песни о Нibelungах.

Наконец, это же «динамическое» отношение к природе характерно и для «Александрии» в обеих ее редакциях и на всех европейских языках, где бы она ни появлялась. Всюду в «Александрии» описывается природа в действии и в ее отличиях от привычной для ее автора и редакторов-переписчиков.

Наиболее подробно, однако, средневековые авторы останавливаются на одном сезонном периоде и на тех изменениях, которые этот сезон вносил: на описаниях весны — вернее, не весны самой по себе, а тех элементов воскрешения природы после зимней омертвленности, которые имели для средневековых книжников (и русских и западноевропейских) особенно большое символическое значение. Весна в целом была символом величайшего христианского праздника — Воскресения. Именно поэтому ей уделяет особенное внимание и Кирилл Туровский в своем «Слове на первую неделю по Пасхе». Правда, Кирилл Туровский следует в этом описании за отцами церкви, но это, в сущности, ничего не меняет. И описание весны у Кирилла закономерно напоминает описание весны у Готтфрида Страсбургского в начале его поэмы «Ривалин и Бланшифлур».⁷

Весна играет в изображении природы первостепенную роль в поэзии миннезингеров. Вальтер фон дер Фогельвейде (XIII в.) в стихотворении «Весна и женщина» сопоставляет весну и прекрасную девушку.

Средневековье видело в искусстве второе Откровение, обнаруживающее в мудрости, с которой устроен мир, ритм, мудрость, гармонию. Эта концепция красоты мицоустройства выражена в ряде произведений Средних веков — у Эригены, в «Шестодневах» Василия Великого и Иоанна Экзарха Болгарского, в «Поучении» Владимира Мономаха на Руси и мн. др. Все в мире имело в той или иной мере многозначный символический или аллегорический смысл.

Если мир — второе Откровение, то сад же — это микромир, подобно тому, как микромиром являлись и многие книги. Поэтому сад часто в Средние века уподобляется книге, а книги (особенно сборники) часто называются «садами»: «Вертоградами», «Лимонисами» или «Лимонарями», «Садами заключенными» (*hortus conclusus*) и пр. Сад следует читать как книгу, извлекая из него пользу и наставление. Книги носили также название «Пчел» — название, опять-таки связанное с садом, ибо пчела собирает свой мед с цветов в саду.

Древнейшее уподобление литературного произведения саду есть у Платона в «Федре». Здесь Сократ говорит о «садах из букв и слов», которые насаждает писатель для собственного удовольствия («сад Адо-

⁷ Приведено в кн.: А. Бизе. Историческое развитие чувства природы. СПб., 1890, с. 81—82.

ниса»). Сократ считает, что это пустое занятие, — он выдвигает на первое место с точки зрения полезности устное поучение оратора.

Разбирая памятники, в названиях которых есть слово «сад» (или другое слово того же семантического ряда), следует помнить о шкале символических значений — от «полезности» до «наслаждения» (что связывается с вечным спором о роли искусства). Сочинение-сад открыто для всех, и каждый находит там то, что ищет. Эти мотивы нашли отражение и в риторике.

В Средние века на Западе были распространены названия со словом «silva» (значения: лес; дрова; переносно — в риторике — «запас слов, понятий, ораторских формул, приемов и т. п.»).

Труд писателя на Западе в Средние века уподобляется труду садовника, который высаживает цветы. В польской литературе XVII в. такие уподобления обыкновенны.

«Цветочная» символика литературы связана со средневековой идиллией, с топосом «locus amoenus» — с «садом любви» и «закрытым садом», т. е. с мотивами, которые развивало средневековое искусство. Отсюда — «Цветочки св. Франциска Ассизского». Возможно, имелись и восточные влияния (например, «Гюлистан» — «Розовый сад» и «Бустан» — «Сад» Саади; эти влияния шли через крестоносцев, через мавританскую культуру Испании и т. д.).⁸

Сад на Западе был частью дома, монастыря. Он родился из античного атриума — «бескрышной комнаты», двора для жизни в нем. В западноевропейских средневековых монастырях монастырский дворик стал помещением монастыря для благочестивых размышлений и молитвы.

Как правило, монастырские дворы, заключенные в прямоугольник монастырских строений, примыкали к южной стороне церкви. Монастырский двор, обычно квадратный, делился узкими дорожками крестообразно (что имело также символическое значение) на четыре квадратные части. В центре на пересечении дорожек сооружался колодец, фонтан, небольшой водоем для водяных растений и поливки сада, умывания или питья воды. Часто устраивался и небольшой пруд, где разводилась рыба для постных дней. Этот небольшой сад во дворе монастыря имел обычно небольшие деревья — фруктовые или декоративные и цветы. Однако фруктовые сады, аптекарские огороды и огороды для кухни устраивались обычно за пределами монастырских стен. Фруктовый сад часто за-

⁸ Элементарные сведения о западноевропейских монастырских садах имеются во многих работах по садово-парковому искусству, в частности в монументальном труде В. Я. Курбатова «Сады и парки» (Пг., 1916). Однако в данном случае я воспользовался книгой: Maria Eustachiewicz. Poeta i ogrodzie. — Pamiętnik Literacki. Wrocław, 1975, rocz. LXVI, zesz. 3. Конспективный перевод дал мне А. М. Панченко, которого я сердечно за это благодарю. Об арабско-мусульманском влиянии на садовое искусство западноевропейского средневековья коротко сказано в книге А. Д. Жирнова «Искусство паркостроения» (Львов, 1977, с. 38—40).

ключал в себе и монастырское кладбище. Аптекарский же огород располагался вблизи монастырской больницы или богадельни. В аптекарском огороде выращивались и растения, которые могли дать красители для иллюминации рукописей.

Насколько большое внимание уделялось в Средние века садам и цветам, свидетельствует рескрипт 812 г., которым Карл Великий распорядился о тех цветах, которые необходимо сажать в его садах. В этот рескрипт было включено около 60 названий различных цветов и орнаментальных растений. Этот список Карла Великого переписывался и распространялся затем по монастырям всей Европы.

Сады культивировали даже нищенствующие ордена. Францисканцы, например, до 1237 г. по своему уставу не имели права владеть землей, за исключением участка при монастыре, который нельзя было использовать иначе, как под сад. Другие ордена специально занимались садоводством и огородничеством и славились этим.

Чисто декоративным монастырским садом был «вертоград», восходящий к античному «сacum aedium». «Вертоград», единственный из средневековых садов, композиционно был связан с окружающими его монастырскими постройками. Вписанный в четырехугольник монастырских галерей, он был окружен дорожками (дорожки пересекали его и крестообразно — по осям либо по диагоналям). В центре находились колодец, фонтан (символы «вечной жизни»), дерево или декоративный куст. Иногда «вертоград» носил названия «рай», «райский двор».

Картезианские монастыри и монастыри камедулов были «особножительскими», в них до минимума ограничивалось общение монахов. Отсюда особое устройство монастырей этих орденов. Строения образовывали правильный четырехугольник. В середине находился большой «вертоград» с кладбищем. С одной стороны были церковь, собственно монастырь (главное здание), дом приора и хозяйственные постройки. Три оставшиеся стороны большого «вертограда» занимали «скиты» — каждый с особым цветником, за которым ухаживал монах, проживающий в «ските».

Наряду с декоративными «вертоградами» при монастырях существовали утилитарные сады, огорода и травники. Они находились вне монастырских построек, но окружались общей стеной. Планировка их такова: они делились на квадраты и прямоугольники. Со временем на этой основе возникает ренессансный декоративный парк.

Особый характер имели сады в замках. Они были обычно под особым наблюдением хозяйки замка и служили маленьким оазисом спокойствия среди шумной и густой толпы жителей замка, наполнявшей его дворы. Здесь же выращивались как лекарственные травы, так и ядовитые, травы для украшений и имевшие символическое значение (кстати, символика растений и их лекарственный смысл часто соединялись: символ сердца служил средством от сердечных заболеваний, символ здоровья должен был укреплять здоровье вообще, и т. д.). Особое значение придавалось

душистым травам. Одной из причин этого было то, что замки и города были полны дурных запахов, объяснявшихся плохими санитарными условиями. В садах этих пестовали декоративные цветы и кусты, особенно вывезенные крестоносцами с Ближнего Востока розы (отсюда название — «розовый сад»), иногда здесь росли деревья — липы, дубы. Вблизи оборонительных укреплений замка устраивались «луга цветов» — для турниров и светских забав. «Розовый сад» и «луг цветов» — один из мотивов средневековой живописи XV—XVI вв. (чаще всего изображается мадонна с младенцем на фоне сада).

В средневековой символике *hortus conclusus* (древнерусское «сад заключенный») имеет два значения: 1. Богоматерь (непорочность); 2. рай, символизировавший вечную весну, вечное счастье, обилие, довольство, безгреховое состояние человечества. Это последнее и позволяет объединить образ рая с образом Богоматери. Каждая деталь в монастырских садах имела символическое значение, чтобы напоминать монахам об основах божественного домостроительства, христианских добродетелях и т. п. Внутренние дворики старинных английских колледжей Оксфорда и Кембриджа, большинство которых (колледжей) было по своему происхождению «учеными монастырями», отчасти продолжают традиции этих монастырских садов в клуатрах, но отличие в том, что сейчас эти внутренние дворики колледжей содержат по преимуществу только аккуратные газоны и некоторые элементы символического убранства (например, статую основателя колледжа,⁹ колодец и пр.). Рай как творение противопоставляется природе, праформе и хаосу. С символикой «закрытого сада» нужно связывать и светские (с оттенком греховности) представления о «садах любви», «садах наслаждений». Нужно учитывать также, что в Средние века весьма распространены были «травники», аптечные огороды. «Полезность» и «красота» и наставительность были в средневековых представлениях очень часто прочно соединены.

Земной рай у Данте также соединяет в себе все компоненты, воздействующие на различные человеческие чувства. Рай — не только услаждение для глаз, но в такой же мере — для слуха, обоняния, вкуса, для ума и высоких эмоций.

Сквозь сумму метафизических образов, символов и абстракций в изображении Рая у Данте сквозят реальные черты вечной весны, обилия и разнообразия.

И свет предстал мне в образе потока,
Струится блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцвеченный широко.
Живые искры, взвившись над рекой,
Садились на цветы, кругом порхая,

⁹ В Виндзоре статуя основателя Итон-колледжа в его внутреннем дворике — короля Генриха VIII пользуется до сих пор ритуальными привилегиями: ее можно обходить только справа.

Как яхонты в оправе золотой;
 И словно хмель в их запахе впивая,
 Вновь погружались в глубь чудесных вод;
 И чуть одна нырнет, взлетит другая.
 «Порыв, который мысль твою влечет
 Постигнуть то, что пред тобой предстало.
 Мне тем милей, чем больше он растет.
 Но надо этих струй испить сначала,
 Чтоб столь великой жажды зной утих».
 Так солнце глаз моих,¹⁰ начав, сказало;
 И вновь: «Река, топазов огневых
 Взлет и паденье, смех травы блаженный —
 Лишь смутные предвестья правды их.
 Они не по себе несовершены,
 А это твой же собственный порок,
 Затем что слабосилен взор твой бренный».¹¹

Сады и в древнерусских представлениях были одной из самых больших ценностей Вселенной. Обращаясь к своему читателю и риторически спрашивая его, для кого созданы в свете наилучшие явления, Иоанн Экзарх в прологе к «Шестодневу» на одном из первых мест после неба с его солнцем и звездами указывает сады: «И како не хотят радоватися, възывающии того и разумевше, кого деля есть небо солнцем и звездами украшено, кого ли ради и земля садом и дубравами и цветом утворена и горами увяста...».

Образ сада постоянен в православных хвалебных жанрах, в гимнографии — в применении к Богоматери и святым. «Что тя именую, о преподобниче? Сад нетления, корень благочестия, древо послушания, ветвь чистоты». В Изборнике 1076 г. говорится о садах, стоящих в «славе велице» (л. 269 об.—270 об.). Образы сада и всего того, что саду принадлежит (цветы, благородные деревья и пр.), часто встречаются в древнерусской литературе и всегда в «высоком» значении. Эти образы принадлежали к первому ряду в иерархии эстетических и духовных ценностей Древней Руси.¹²

Среди реальных садов Древней Руси, как и на Западе в Средневековье, особенное значение имели монастырские сады.

В «Слове о погибели Русской земли» в кратком перечислении красот, которыми «украсно украшена» была Русская земля, говорится и о «виноградах обительных», под которыми несомненно следует иметь в виду монастырские сады.¹³

¹⁰ Имеется в виду Беатриче.

¹¹ Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер. М. Лозинского. Изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968 (Серия «Литературные памятники»), с. 447—448 («Рай», Песнь тридцатая).

¹² См. подробнее: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 1-е — М., 1967; изд. 2-е — Л., 1971; изд. 3-е — М., 1979. Раздел «Литературный этикет».

¹³ Первое значение «виноград» — «фруктовый сад», см.: Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 2. М., 1975, с. 185. Другое значение «виноград» — плод от расте-

Сады в Троице-Сергиевом монастыре упоминаются в Житии Никона — ученика Сергия Радонежского. Есть упоминания садов и в других житиях святых.

Монастырские сады были трех типов: хозяйствственные, которых мы здесь не касаемся, те, что помещались в ограде монастыря и служили как бы образами рая, и те, что помещались чаще всего за монастырской оградой и связывались с представлениями о священных рощах.

Монастырские сады, которые символизировали рай, отнюдь не имели утилитарного значения, по они обязательно должны были иметь «райские деревья» — яблони, затем цветы, по преимуществу душистые, и привлекать к себе птиц. Именно таким «обильным» во всех отношениях, действующим на все человеческие чувства и представляли себе в Древней Руси рай, в котором Бог согласно книге Бытия насадил «все древеса». Он должен был услаждать зрение, вкус (образ трапезы или съедобных плодов) и слух (пение птиц). Такое представление мы встречаем и на Западе, и в применении к барочным садам Москвы (к этому мы еще вернемся). Еще одна черта была характерна для этих «райских» садов — ограда. Необходимость ограды подчеркивается в одном из названий сада — «виноград» и другом, синонимичном, — огород. Изображения садов в миниатюрах XVII в. обычно представляют их с высокими оградами.

В образах райского сада, встречающихся в гимнографии, часто говорится о саде «огражденном». Это объясняется тем, что ограда ассоциировалась со спасением, с изолированностью от греха. Изгнание из рая Адама и Евы представлялось обычно как выдворение их за пределы райской ограды, лишение их спасения. Впрочем, если сад располагался внутри монастыря, то монастырские стены служили одновременно и оградой сада.

В развитии монастырских садов в России, возможно, существовал перерыв, который падает на период XIV—XV вв., когда под влиянием идей исихазма получило распространение стремление к отшельничеству, скитническому монашеству и стали распространяться монастыри вдали от мирской суеты среди дикой природы.

Дело в том, что противопоставление природы как беспорядка человеку как представителю порядка и культуры — типичное противопоставление Нового времени. Для Средних веков природа — это прежде всего организованный Богом мир, мир, который несомненно выше человека, «учит» человека, подает человеку добный пример праведной жизни. На этой идее построены такие авторитетные произведения Средних веков, как «Шестоднев» Иоанна Екзарха Болгарского, «Физиолог» и др. Эта же идея ска-

ния и виноград-ягода не могли быть здесь употреблены по двум соображениям: 1) этому препятствует эпитет «обительный», который в таком случае следовало бы рассматривать как сорт («монастырский») и 2) невозможность произрастания винограда на севере Руси, где было создано «Слово о погибели» (известны безрезультатные попытки разводить виноград в Кремлевских садах Москвы; об этом ниже).

зывается в «Поучении» Владимира Мономаха и великое множество других сочинений. После основания Сергием Радонежским Троицкого монастыря, когда скитничество стало развиваться, а от Троице-Сергиева монастыря стали отпочковываться многочисленные бедные монастыри по преимуществу на Севере, исчезла идея внутримонастырского сада. Из житий основателей монастырей этого времени известно, какое большое значение придавалось выбору красивого места будущего монастыря — в лесу на берегу озера или реки, среди холмов и т. д. Мир природы — это мир святости, уход из «человеческого мира» — это прежде всего уход от греха в богоустановленный порядок не испорченной грехом природы. При таком отношении к окружающей монастырь природе естественно было не придавать особого значения саду внутри монастыря. Сады устраивались по преимуществу для утилитарного их использования. Они не были символами рая небесного или рая земного — Эдема. Рай — это окружающая, не измененная греховным человеком природа. Святой и праведник должны жить среди праведной же природы. Только в XVI в. с развитием огромных общежительных монастырей вновь возродилась идея внутримонастырского сада, но нет никаких указаний на то, что внутримонастырские сады больших общежительных монастырей (Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Толгского и мн. др.) понимались в символической системе, сходной с символической системой средневековых монастырских садов Запада. Это значительно способствовало секуляризации садового искусства России в XVI и XVII вв.

* * *

Однако между монастырскими садами Древней Руси и западноевропейскими монастырскими садами были и различия.

Первое и несомненное заключалось в том, что в русских монастырских садах символической «оградой рая» служили монастырские стены. Не только сад, но и весь монастырь был, таким образом, символом рая. Монастырские стены не только служили оборонным целям, но и символизировали собой райскую замкнутость монастырской жизни в самой себе. Поэтому все, что было в пределах монастырской ограды, было раем. Особую роль в русских монастырях играла соборная площадь, которая и украшалась деревьями (по преимуществу райскими яблонями и, где это оказывалось возможно, виноградом). В западноевропейских же монастырях, как мы видели, сады устраивались в окружении монастырских строений, в клуатрах, отчасти под влиянием римских атриумов.

Второе отличие западноевропейских монастырских садов от древнерусских заключалось в том, что для монастырских садов Запада, как мы указывали уже, обязательными были розы. Роза — католический символ Богоматери. Сад был также символом Богоматери. Как было уже сказано, кульп розы как Богоматери начался со времени крестовых походов,

когда рыцари, возвращаясь домой с Востока, приносили с собою розы.¹⁴ Россия не участвовала в крестовых походах, и в русских садах, по свидетельству иностранцев, даже в XVI в. роза отсутствовала. Имелась лишь дикая роза — шиповник. Символом Богоматери (среди многих других) в Древней Руси была белая лилия.

Третье отличие заключалось в следующем. В западноевропейских садах, как мы видели, довольно часто устраивался лабиринт. Нет никаких указаний на то, что лабиринты были известны на Руси до XVII в., тем более что некоторые из богословских образов этих лабиринтов на Руси вообще отсутствовали (например, крестный путь Христа).

С раем в Древней Руси ассоциировались не только монастырские сады, но и загородные местожительства князей. Так, например, загородное место под Киевом, называвшееся Раем, было у Андрея Боголюбского; у Даниила Галицкого и Владимира Васильковича Волынского был на горе на берегу озера город Рай.¹⁵ «Красный» (т. е. красивый) сад упомянут в Ипатьевской летописи под 1259 г.: князь Даниил Галицкий «посади же и сад красен».¹⁶

Сады имели не только декоративные растения, но и плодовые, ибо рай — это место, где нет труда, где обилие всего, где поют птицы и цветы не только украшают, но и распространяют благовоние.

Цветы постоянно изображаются на иконах там, где изображаются и сады. Характерно, что иконные цветы XVI—XVII вв. носят обычно самые фантастические формы. Этому соответствуют в XVII в. поиски редкостных цветов и растений, о чем я еще буду говорить особо в дальнейшем.

Об отношении в Древней Руси к цветам говорит и следующее сравнение казанских татар в Казанской истории. Здесь описываются разбогатевшие татары, ходившие в «красных ризах, и в зеленых, и в багряных, и в червленых, одевавшиеся щапствовати пред катунами (женами, — Д. Л.) своими, яко цветы полские (выделено мною, — Д. Л.), различно красящеся, друг друга краснея и пестрее».¹⁷

Из монастырских садов, располагавшихся еще в XVI в. за пределами монастырских стен, сведения сохранились по преимуществу о Кедровой роще Ярославского Толгского монастыря.

Вот некоторые выписки из литературы о монастыре: «К юго-восточной стене монастырской ограды примыкает кедровый сад, обнесенный с трех сторон каменною же оградой, вышиною в 5 аршин, толщиною в аршин с четвертью... Вся садовая ограда с башнями имеет в окруж-

¹⁴ Растения приносили с собой с Ближнего Востока тамилиеры («рыцари св. Иоанна»). См.: The hon. Alice Amherst. A History of Gardening in England. London, 1896, p. 30—31.

¹⁵ Ипатьевская летопись. СПб., 1871, с. 549, 593, 596.

¹⁶ Там же, с. 559.

¹⁷ Полное собрание русских летописей, т. XIX. СПб., 1903, с. 24.

ности 220 сажен, а именно: 83 сажени с востока, 83 с запада и 54 с юга. Вся же ограда монастыря вместе с садовою имеет 550 сажен... Могучие вековые кедры Толгского сада — сибирской породы и в настоящее время (1913 г., — Д. Л.) значительно устарели. Время насаждения их неизвестно; преданием же относится к последней четверти XVI века, когда здесь игуменом был Феодосий, впоследствии архиепископ астраханский. Здесь на одном из кедров в особой часовенной пристройке помещается Толгская икона Божьей матери (XIII в.; ныне в Гос. Третьяковской галерее, — Д. Л.). По преданию, на этом кедре найдена была чудотворная икона после бывшего в монастыре пожара... Для питания сада водою между кедрами, насажденными полуциркулем аллею в два ряда, выкопан пруд длиною 145 и шириной 5 сажен... Запах цветущих растений и кедровой смолы наполняют воздух особенным здоровым ароматом».¹⁸

Ныне роща Толгского монастыря не существует. Представляло бы очень большой интерес археологическое исследование территории этой знаменитой рощи с целью установить, какую планировку имела она в конце XVI в., а может быть, и раньше. В частности, интерес представляет пруд: гидroteхническими сооружениями увлекались в XVI в. игумен Соловецкого монастыря Филипп Колычев, епископ Вассиан Рыло (прозвище «Рыло» — от «рыть, копать, строить пруды»), Пафнутий Боровский и др.

Сам тип монастырских садов с большими деревьями вне монастыря восходит, по-видимому, к языческим священным рощам. Оправдывалось их существование тем, что в этих рощах являлись чудотворные иконы (обычно Божьей матери): Толгской, Тихвинской, Сосновской и прочие, находимые на стволах деревьев.¹⁹

* * *

О существовании на Руси садов внутри монастырских стен мы отчасти можем судить по условным изображениям монастырей на иконах. Следует только принять во внимание, что изображения монастырей на иконах появились относительно поздно — не ранее XV в. Отчасти мы можем

¹⁸ Дм. Орлов. Ярославский первоклассный Толгский монастырь, 1314—1914. (Историко-статистический очерк). Ярославль, 1913, с. 65—66 (глава XIII «Монастырская ограда и сад»). См. также: Нерумов. Ярославский Толгский монастырь. Изд. 2-е. Ярославль, 1898, с. 12 и др.; А. Крылов. Описание Ярославского первоклассного Толгского мужского монастыря. Ярославль, 1860, с. 27—28; Празднование 600-летнего юбилея первоклассного Толгского монастыря, 1314—1914. Ярославль [б. г.], с. 25, 34 и др. Литература о Кедровом саде Толгского монастыря указана мне М. В. Рождественской. Есть гравюра А. Ростовцева 1731 г. «Изображение Толгского монастыря и рощи». Сохранились росписи в Введенском соборе Толгского монастыря — 29 чудес. Среди чудес — изображение рощи. Собор построен при известном митрополите Ионе Сысоевиче в 1681—1683 гг.

¹⁹ Нахождение иконы в языческой роще, по-видимому, было связано со стремлением церковных властей христианизовать языческие поклонения в этих рощах.

судить о наличии монастырских садов по символическим иконам, где также встречается изображение сада как символа рая, Богоматери и т. д. Упомянем некоторые из этих изображений по «Каталогу древнерусской живописи» Третьяковской галереи.²⁰

1. Икона «О тебе радуется» (№ 148) второй половины XIV в. псковской школы. «В верхней половине композиции в арке, образуемой полукругом белого небосвода, с зелеными райскими деревьями, с красными плодами и красными порхающими птицами, высится пятиглавый храм оливкового цвета с красными и синими куполами». В каталоге есть иллюстрация.

2. Икона «О тебе радуется» (№ 157) конца XV в. В арке по сторонам пятиглавого собора видны райские деревья и ветви. На райских деревьях плоды.

3. Икона «Страшный суд» (№ 64). Середина XV в. Богоматерь изображена в раю в круге с ангелами по сторонам. На поле райские цветы и ветви.

4. Икона «Уверение Фомы» (№ 282). Предположительно Дионисия. Конец XV—начало XVI в. За полусферической оградой (ограда, как мы уже указывали, важнейший атрибут сада) видны верхушки деревьев сада.

5. Икона «О тебе радуется» (№ 280). Предположительно Дионисия. Начало XVI в. По краям полукруга над пятиглавым собором райские деревья, кусты, цветы, ветви.

6. Икона «О тебе радуется» (№ 640). Середина XVI в. В круге пятиглавый собор, по бокам собора и над куполами собора райские деревья и ветви деревьев с плодами. Между деревьями стебли с цветами.

7. Икона «О тебе радуется» (№ 569). Вторая половина XVI в. В круге пятиглавый собор, по краям круга и над собором райские деревья и ветви.

8. Икона «Троица ветхозаветная с бытием» (№ 389). Вторая половина XVI в. Клеймо «Сотворение Адама и Евы». Адам и Ева лежат под райскими деревьями, на ветвях которых сидят птицы. Изображены также травы и цветы.

9. Икона «Страшный суд» (№ 381). Вторая половина XVI в. В круге Богоматерь с ангелами в раю. Рай представляют раскиданные по светлому фону цветы и цветущие ветви.

10. Икона «Хвалите Господа с небес» (№ 1006). Вторая половина XVII в. Изображена вселенная в виде рая. Изображены фантастические деревья и птицы на ветвях.

11. Икона (створка алтарных врат) «Благородный разбойник Рах в раю» (№ 984). Середина XVII в. Верхнее Поволжье. Фигура благородного разбойника на фоне райских вьющихся цветов и плодов. Рах стоит на зеленой пышнолиствойной траве. Среди ветвей видны белые райские птицы.

12. Икона «Уар воин и Артемий Беркольский» (№ 954) второй половины XVII в. Изображен город у реки с мостом и мельницами. Видны деревья.

13. Икона «Иоанн Предтеча. Ангел пустыни с житием» (№ 995). Последняя четверть XVII в. Изображен город. За деревянной оградой города — сад. За башнями и куполами церквей — купы деревьев.

14. Икона «Иоанн Предтеча. Ангел пустыни с житием» (№ 997). Конец XVII в. Изображена «пустыня» — некий образ рая. Деревья с плодами, кустарник, среди деревьев и кустарника бродят львы, зайцы, олень, медведь, лань, верблюд.

15. Икона «Чудо от иконы Тихвинской Богоматери» (№ 969). Около 1700 г. В одном из клейм изображен Успенский Тихвинский монастырь (1560 г.), огороженный стеной с башнями. За основными строениями несколько деревьев — очевидно, монастырский сад.

16. Икона Никиты Павловца «Вертоград заключенный» (№ 892) (символ рая и Богоматери) около 1670 г. Изображен «сад четырехугольной формы с травами и

²⁰ В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. М., 1963, т. 1.

цветами, насажденными параллельными рядами. Золотая изгородь с серебряными точеными балюсинами украшена золотыми вазами с тюльпанами и гвоздиками. Такие же вазы с цветами стоят в саду, около водоема. За садом светло-зеленые холмы. Редко растущие деревья и кусты мягко отмечены золотыми и серебряными бликами». К этому тексту каталога имеются два примечания, которые приводим здесь полностью: «Вергоград (сад) заключенный — образ рая. Ранее обычно изображался (в страшных судах) в виде круга, с Богоматерью, сидящей на престоле, в центре, без младенца, с двумя ангелами по сторонам, на фоне растений (см.: Н. П. Кондаков. Русская икона, т. IV, ч. 2. Текст. Прага, 1933, с. 297)». Второе примечание гласит: «Здесь (в иконе, — Д. Л.), несомненно, отразились впечатления от реально существовавших в то время садов, где увлекались разведением ввезенных на Русь садовых цветов — тюльпанов, гвоздик».²¹

Представленный список — небольшая часть икон Третьяковской галереи, где могут быть отмечены изображения садов. Иконы «О тебе радуется» того же музея могут быть отмечены под №№ 148, 157, 640, 569, 280. «Страшный суд» — №№ 64 и 381, «Иоанн Предтеча в пустыне» — №№ 995, 997, 926, 927.

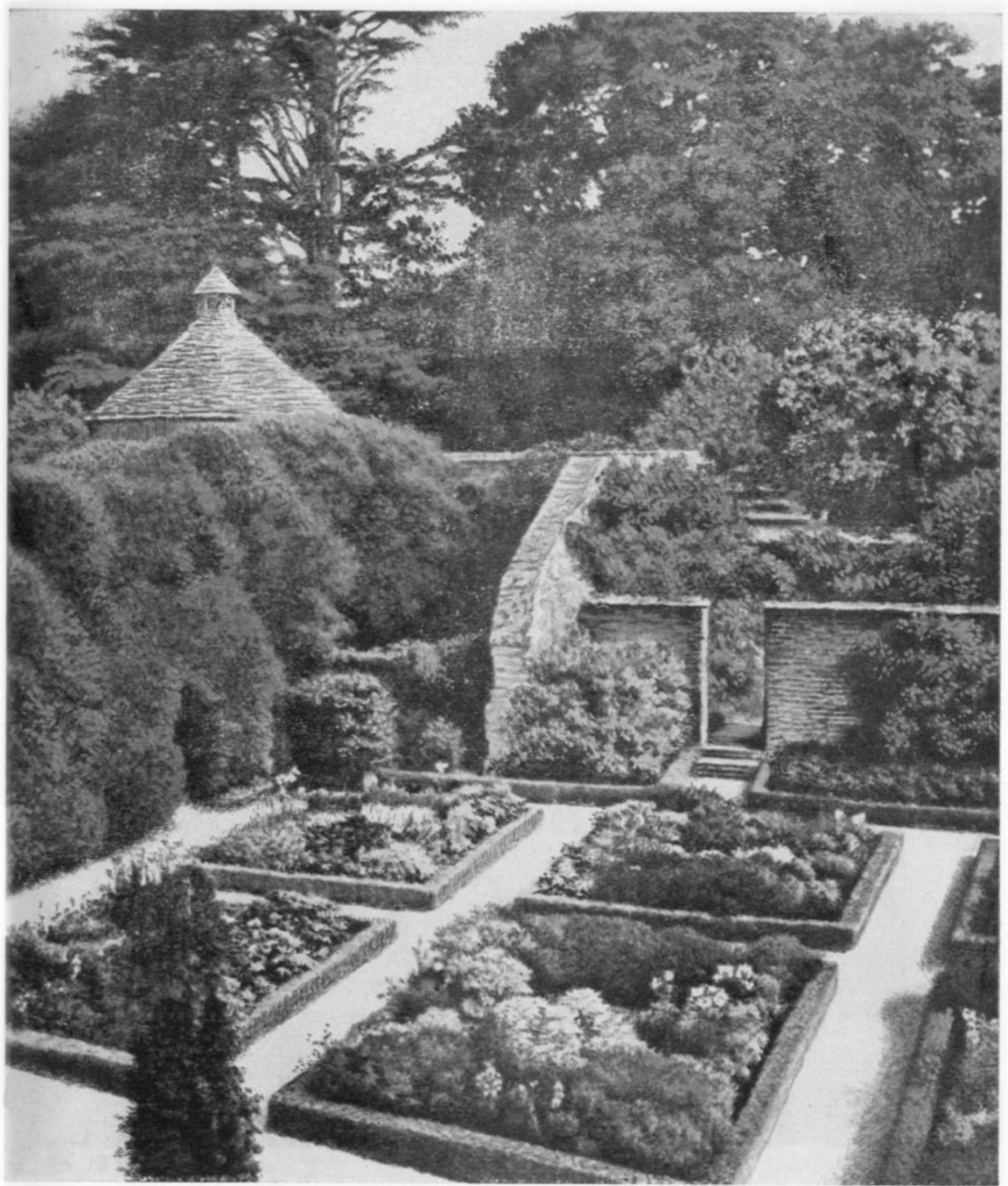
Большое количество икон с изображением садов или части садов имеется и в собраниях Русского музея в Ленинграде. Так, в фондах Русского музея могут быть отмечены следующие иконы на сюжет «О тебе радуется всякая тварь» с изображением райских садов: № 2137 начала XVI в.; № 1818 XVI в. с записями XIX в., № 235 круглая табличка — фрагмент иконы XVI в.; № 1305 в антикварной записи начала XX в. и др.

Большой интерес представляет нижнее клеймо «И жизни будущего века» иконы «Символ веры» (№ 2773) конца XVII в. из церкви Григория Неокесарийского в Москве, на котором изображен райский сад, огражденный четырехугольной оградой, данной в перспективе. Посредине сада изображен Христос. Надпись гласит: «Бог посреде его и неподвижен...». Перед Христом в молитвенных позах справа и слева в два ряда стоят святые. За ними параллельно — ряды каких-то зданий, невысоких домов. Внутри ограды повсюду цветы. Над верхней левой башней ограды на горках — Иоанн со свитком и ангел господень.

Отметим следующие общие черты для всех русских изображений садов: сады находятся либо внутри монастырских оград, либо ограждены особыми красивыми стенами; ограда — существенный элемент садов. Наряду с цветами в древнерусских садах существенное значение имеют плоды, птицы и звери.

Наконец, отметим еще одну характерную черту изображений монастырей: последние очень часто окружены рощами, горами и озерами.

²¹ И. Забелин. Московские сады в XVII столетии. — В кн.: Опыты изучения русских древностей и истории, ч. 2. М., 1873, с. 266—321. Воспроизведение этой иконы см.: Федоров-Давыдов. Русский пейзаж XVIII—начала XIX века. М., 1953, с. 16, табл. 1; Древнерусская живопись в собрании Государственной Третьяковской галереи. Альбом. М., 1958, с. 11, табл. 65. (Примеч. составителей «Каталога древнерусской живописи»).

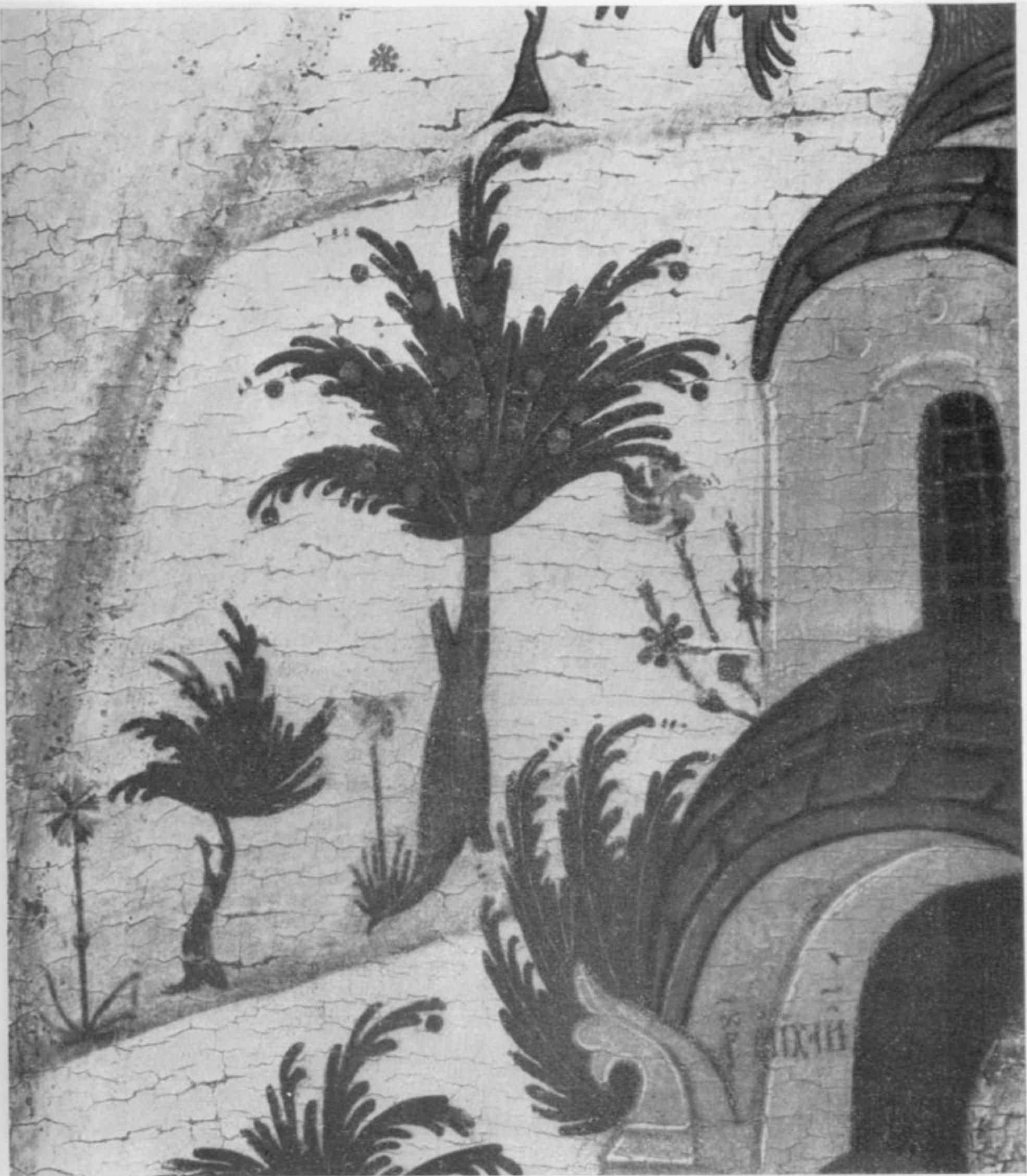

Остатки планировки внутримонастырского западноевропейского сада.

Условное изображение древнерусского монастырского сада. Гос. Исторический Музей. Собрание Е. Барсова.

Луцидарий. Лицевой сборник конца XVII в. Фотография с репродукции в книге: Отчет имп. Российского Исторического музея за 1914 год. М., 1916, рис. 25.

Деревья в сочетании с храмами. Деталь иконы «О тебе радуется» начала XVI в. Художник круга Дионисия. Из Успенского собора г. Дмитрова. Гос. Третьяковская галерея. Реставратор П. П. Суслов. Инвен. № 28640.

Деревья. Деталь той же иконы.

Деревья и цветы. Деталь той же иконы.

Это касается таких монастырей, как Нилова пустынь,²² Соловецкий монастырь, Тихвинский монастырь и др.

Начиная с XIV в. помимо устройства садов внутри монастырей огромное значение приобрел сам выбор местности для монастыря среди дикой, девственной природы — в лесах, на берегу рек и озер. Этот выбор диктовался развивающимися в XIV в. на Руси представлениями, что только первозданная природа безгреховна, упорядочена самим Богом, гармонирует со стремлением к совершенствованию монахов. У Григория Нисского, особенно популярного на Руси с XIV в., есть «Слово о первозданной красоте мира». Оно объясняет нам, почему ценилась в Древней Руси дикая, безгреховная природа, устроенная самим Богом без последующего вмешательства человека. Нетронутая природа знаменует собой порядок и благообразие, гармонирующие с подвижнической жизнью отшельника, желающего себя посвятить Богу. Поэтому монастыри ставились не только в красивой, но и в безлюдной местности. Поэтому же развивается скитническое монашество, строительство монастырей уходит все дальше и дальше в нетронутые рукой человека места на севере. Сам Троице-Сергиев монастырь, построенный первоначально в дикой местности, постепенно с ростом окружающего и своего собственного населения воспитывает церковных ревнителей, которые основывают все новые и новые монастыри. Жития русских святых — основателей монастырей полны описаний выбора места для будущей обители среди дикой природы.

Таким образом, с развитием представлений о божественной мудрости мироустройства сам монастырь переместился в природу и главной заботой строителей и устроителей монастырей стал выбор места для построения монастыря среди нетронутых человеком, а следовательно, особенно «разумных» лесов, и т. д. Поддерживались эти представления и учением исихастов, стремлением к уединенной жизни и уединенной молитве, особенно в учении Нила Сорского.

С XVI в. начинается период вмешательства человека в окружающую природу: Пафнутий Боровский, Филипп Кольчев на Соловках, Никон в Ферапонтовом монастыре и др. Это преобразование и освоение окружающей монастырь природы особенно распространяется в монастырях, так или иначе следующих религиозным концепциям Иосифа Волоцкого. Сперва благоустройство окружающей природы носит художественно- utilitarianный характер (эстетический момент, как мы уже замечали, неот-

²² Д. С. Лихачев. Икона Нила Столобенского из частного собрания. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия, 1983 (печатается). Среди неизданных материалов по монастырским садам см. «Альбом рисунков и чертежей монастырских зданий» не позднее 1745 г., хранящийся в Загорском музее. Всего 46 листов, из которых 28 опубликованы Е. Е. Голубинским (Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. — Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 3. М., 1909. Ссылки на альбом см.: И. В. Трофимов. Памятник архитектуры — Троице-Сергиева лавра. М., 1961, с. 13—14 и сноска 74 на с. 226).

делим от утилитарного: строительство плотин, садков для рыбы, каналов, устройство огородов и фруктовых садов и пр.), но при Никоне в XVII в. появляются устройства чисто эстетические и символические: в Ферапонтовом монастыре на Бородаевском озере Никон строит остров в форме креста — как бы христианизирует природу, не удовлетворяясь теми символами и поучениями человеку, которые природа согласно «физиологу» и другим древнерусским «природоведческим» сочинениям естественно содержит ему в назидание.

Но преобразования Никона в садовом искусстве были в значительной мере связаны с усиленными проявлениями западного влияния в XVII в. Поэтому, прежде чем обратиться к русским садам XVII в., особенно в Москве и Подмосковье, необходимо, хотя бы в самом кратком виде, охарактеризовать стили садового искусства на Западе, появившиеся в Новое время.